

А.В. КОСТУСЯК

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И “ОБЩИЙ РЫНОК”: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ К СБЛИЖЕНИЮ. 1957–1973 годы

22 января 1972 г. в Брюсселе английскими представителями был подписан договор о вступлении Великобритании в “Общий рынок” и распространении на ее территорию всех правил и юридических норм, действующих в рамках ЕЭС. По меткому выражению президента Франции Ж. Помпиду, Англия решилась, наконец, “причалить к континенту, обретая новый статус, соответствующий ее современным возможностям и ресурсам”¹, тем самым изменив своим вековым имперским традициям и отказавшись от политики самоизоляции.

Брюссельский договор подвел итог жарким дискуссиям о путях развития интеграционного строительства, обозначив четкий выбор западноевропейских государств в пользу создания единого экономического и политического пространства. Заключению соглашения предшествовали многолетние дипломатические консультации, протекавшие в условиях жесткой англо-французской конфронтации и неоднократно прерывавшиеся по настоянию Парижа. “Железное” и “бархатное” вето де Голля 1963 и 1967 гг. на вступление Великобритании в ЕЭС дважды заводило переговоры в тупик и ставили крест на проектах расширения сообщества. Прорыв был достигнут лишь в начале 1970-х годов, уже после ухода генерала с поста президента Французской Республики и определенного смягчения позиций обеих конфликтующих сторон. Таким образом, спустя 11 лет после начала формального обсуждения британской заявки Париж снял свои возражения и распахнул перед Соединенным Королевством двери в “Общий рынок”.

В англоязычной литературе господствует утверждение о неправомерности и субъективности большинства французских требований, выдвигавшихся в качестве предварительного условия британского членства в ЕЭС. Доказательствами этому, по мнению исследователей², служат известная англофобия де Голля и его стремление не допустить проникновения “атлантического элемента” в структуру сообщества. При этом незаслуженно упускается из вида тот факт, что доводы генерала о несовместимости политического и экономического уклада Британии с внутренними механизмами “Общего рынка” зачастую находили отклик среди других участников интеграционной группировки. Именно на это указывают в своих работах французские историки, кстати, обвиняющие в затягивании переговоров прежде всего самих британцев³. В свою

Костусяк Алексей Владимирович – аспирант кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Pompidou G.* Entretiens et discours, v. 2. Paris, 1975, p. 137.

² *Beloff N.* The General Says No. Britain's Exclusion from Europe. Harmondsworth, 1963; *Camps M.* Britain and the European Community (1955 – 1963). Princeton, 1966; *Jensen W.G.* The Common Market. London, 1967; *Newhouse J.* De Gaulle and the Anglo-Saxons. New York, 1970; *Kitzinger U.* Diplomacy and Persuasion. How Britain Joined the Common Market. London, 1973; *Bell Ph.* France and Britain 1940–1994. The Long Separation. London, 1997.

³ *Jouve E.* Le général de Gaulle et la construction de l'Europe, 1940 – 1966, t. 1, 2. Paris, 1967; *Moindrot C.* La Grande Bretagne en Europe. Paris, 1972; *Gerbert P.* La construction de l'Europe. Paris, 1983.

очередь большинство отечественных исследователей, обращавшихся к данному сюжету⁴, возлагает ответственность в равной степени на обе стороны конфликта – и на Париж, и на Лондон, и тоже, на наш взгляд, несправедливо забывает о существовании разногласий между Великобританией и другими членами европейской “шестерки”. Так или иначе, проблема вступления Англии в ЕЭС сохраняет свою актуальность и по-прежнему широко дебатировалась в отечественной и зарубежной историографии.

Ключ к ее окончательному решению лежит, очевидно, в четком определении позиций всех без исключения заинтересованных сторон, т.е. Великобритании, Франции, ФРГ, Италии и стран Бенилюкса, и выявлении причин, приведших к усилению англо-французских противоречий, в чем и заключается главная задача настоящего исследования.

Одной из предпосылок формирования критического французского подхода стало двойственное отношение британского руководства к идее западноевропейского строительства в конце 1940-х – второй половине 1950-х годов.

На протяжении первого послевоенного десятилетия политики Великобритании делали ставку на укрепление межгосударственного сотрудничества в рамках трансатлантических структур (НАТО, ГАТТ, ОЕЭС) и в то же время смотрели на развитие интеграционных процессов в самой Европе с известной долей скептицизма. Являясь членом “большой тройки” и одним из архитекторов ялтинской системы, Великобритания позиционировала себя в качестве независимого центра силы, способного наряду с США и СССР играть самостоятельную роль на международной арене. В этой связи она считала нецелесообразной тесную политическую консолидацию со своими континентальными союзниками, поскольку подобный шаг означал бы отказ от статуса великой державы и ограничение собственного суверенитета в пользу неподконтрольных наднациональных органов.

Отказываясь от непосредственного участия в интеграционном движении, Лондон, тем не менее, приветствовал саму идею объединения Старого света в рамках федерации. При этом, как заявил в 1946 г. в своей цюрихской речи У. Черчилль, Великобритания была готова выступить “партнером и поручителем единой Европы”, оставаясь рядом с нею, но не внутри нее⁵. Такое снисходительное отношение определялось и еще одним важным обстоятельством: в течение долгого времени англичане не были уверены в успехе европейского строительства и воспринимали молодые интеграционные структуры как недолговечный союз растерявших былую мощь колониальных метрополий.

⁴ Проблема вступления Великобритании в “Общий рынок” неоднократно обсуждалась в отечественной литературе. Среди ключевых работ по данной тематике следует упомянуть, в частности, монографии Д. Маклейна “Внешняя политика Англии после Суэца” (М., 1972), А.А. Лебедева “Очерки британской внешней политики (60–80-е годы)” (М., 1988), Л.Н. Сванадзе “Великобритания: консерваторы и проблемы послевоенного развития” (М., 1984), И.П. Фаминского и А.А. Журкова “Великобритания и проблемы западноевропейской интеграции” (М., 1970), В.Н. Зуева “Англия и Общий рынок” (М., 1988). Авторы этих работ уделяют первоочередное внимание исследованию экономических и внутриполитических аспектов британского движения в ЕЭС, а также степень влияния данного фактора на формирование геополитической стратегии Лондона в других регионах мира. В 2009 г. в свет вышла монография М.А. Липкина “Британия в поисках Европы. Долгий путь в ЕЭС. 1957–1974 гг.”, основанная на широком круге отечественных и зарубежных источников. Автор систематизирует совокупность накопленных исторических знаний по данной проблематике и конкретизирует отдельные аспекты исторических исследований, касающихся изучения влияния советского фактора и политики “разрядки” на формирование нового интеграционного подхода британского правительства, ориентированного на сближение с Европой. Вместе с тем в монографии М.А. Липкина, как и в предыдущих работах отечественных исследователей, уделено недостаточно внимания взаимоотношениям Великобритании с так называемыми “малыми” странами “Общего рынка” (т.е. Бенилюксом) и Италией. Одна из задач данной статьи – восполнить имеющийся пробел.

⁵ Черчилль У. Трагедия Европы. Речь, произнесенная 19 сентября 1946 г. в Цюрихском университете. – Черчилль У. Мускулы мира. Сб. речей. М., 2002, с. 503.

В силу вышеназванных причин Великобритания отказалась от членства в созданном в 1951 г. усилиями Франции, ФРГ, Италии и Бенилюкса Европейском объединении угля и стали (ЕОУС), а годом позже уклонилась от подписания договора о Европейском оборонительном сообществе (ЕОС)⁶.

Избранная Лондоном стратегия поначалу полностью себя оправдывала. ЕОУС не составило серьезной конкурентной угрозы для английской промышленности, а заключенное в 1952 г. соглашение об ассоциации с ЕОУС позволило британцам обойти протекционистские барьеры и сохранить свободный доступ на континентальные рынки без ограничительных обязательств, предусмотренных уставом для самих участников организации. В свою очередь блокирование французским парламентом в августе 1954 г. проекта ЕОС, казалось бы, подтверждало верность оценок британских экспертов, предрекавших бесславное будущее планам наднационального объединения.

Между тем, несмотря на неудачу в военной сфере, политики Старого света не оставили мысль продолжить интеграционное строительство в других областях. Уже в июне 1955 г. члены ЕОУС инициировали консультации о перспективах формирования полноценного экономического союза, пригласив на них большинство западноевропейских стран, в том числе Англию⁷.

Очевидно, что в тот момент британцы недооценили решимость своих континентальных партнеров и восприняли стартовавший в итальянской Мессине межправительственный форум как очередную попытку безуспешного переустройства Европы на федералистских началах. Именно этим можно объяснить низкий уровень представительства английской делегации⁸ и ее нежелание обсуждать сколько-нибудь значимые вопросы. Спустя пять месяцев, в ноябре 1955 г., англичане вообще отказались от участия в дискуссиях и покинули переговоры, рассчитывая, что остальные последуют их примеру.

Британский историк Дж. Франкель справедливо назвал данный шаг “самой дорогостоящей ошибкой в английской послевоенной политике”⁹, поскольку Лондон не только не достиг поставленных целей, т.е. срыва мессинского процесса и сохранения регионального статус-кво, но и добился прямо противоположного результата.

После ухода Великобритании “шестерка” резко активизировала внутренние консультации и к весне 1957 г. вышла на принципиальные договоренности о создании единого таможенного, экономического, валютного и торгового пространства, расширении кооперации в промышленности, сельском хозяйстве, атомной сфере. 25 марта 1957 г. в Риме лидеры Франции, ФРГ, Италии и Бенилюкса подписали договор об учреждении новых структур – Европейского агентства по атомной энергии (Евратом) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС), также известного как “Общий рынок”.

Учреждение “Общего рынка”, базирующегося на наднациональных принципах управления и защищенного от остального мира высоким тарифом, стало настоящим кошмаром для английских политиков. В интервью газете “Таймс” в мае 1957 г. глава британской торговой палаты Д. Экклз публично признал, что реализация Римских соглашений означает блокаду, которую “Британия уже в течение 100 лет считает постоянной угрозой своей безопасности”¹⁰. В условиях возраставшей зависимости английской индустрии от емких европейских рынков появление крупного протекционистского блока на континенте наносило сильнейший удар по интересам Лондона.

⁶ Подробнее, например, см. *Красильников А.Н.* Внешняя политика Англии и лейбористская партия (1951–1964). М., 1968, с. 174.

⁷ Подробнее см. *Olivi B.* L'Europe difficile. Histoire politique de la Communauté européenne. Paris, 1998, p. 45–49.

⁸ На переговорах в июне – ноябре 1955 г. об учреждении экономического союза Англию представлял заместитель министра торговли Р. Брезертон, имевший статус наблюдателя.

⁹ *Frankel J.* British Foreign Policy 1945 – 1973. London – New York, 1975, p. 234.

¹⁰ The Times, 28.V.1957.

Необходимость минимизации потенциального политического и экономического ущерба потребовала от Соединенного Королевства решительного пересмотра прежней международной стратегии. Накануне подписания Римских соглашений британское правительство отказалось от прежней роли стороннего наблюдателя и направило свои усилия на блокирование вошедшего в противоречие с национальными интересами интеграционного процесса. Таким образом, конец 1956 – начало 1957 г. следует считать поворотным этапом в истории взаимоотношений Великобритании с единой Европой.

Стремясь переформатировать экономическое пространство Старого света в выгодном для себя ключе, британцы предложили дополнить узкорегиональный “Общий рынок” широкой зоной свободной торговли (ЗСТ), в которую могли бы войти почти все капиталистические государства Западной Европы. Принципиальным отличием ЗСТ от ЕЭС было отсутствие внешнего протекционистского барьера. Это давало Англии шанс, как и в случае с ЕОУС, сохранить свободный доступ на европейские рынки без обязательств ввести таможенные ограничения на импорт из третьих стран. Кроме того, план регулировал лишь торговлю промышленными изделиями и исключал из сферы действия ЗСТ аграрную продукцию, что в свою очередь обеспечивало англичанам поставки дешевого продовольствия из своих доминионов и избавляло от закупки дорогих европейских сельскохозяйственных товаров. Наконец, правила функционирования ЗСТ предполагали активное использование механизма межгосударственных консультаций взамен утвержденных Римскими соглашениями принципов наднационального управления.

Очевидно, что английские предложения были направлены на одностороннее извлечение выгод из континентальной торговли и ослабление создаваемого “Общего рынка”. Как справедливо заметил по этому поводу французский историк П. Жербе, “Лондон хотел растопить ЕЭС в новой ЗСТ, как ложку сахара в английской чашке чая”¹¹.

Европейцы отнеслись к проекту по-разному. Однозначную поддержку ему оказали лишь не вошедшие в ЕЭС скандинавские страны и Швейцария, в то время как Западная Германия и Нидерланды согласились обсудить варианты его возможной модификации¹². Остальные государства “шестерки” в той или иной степени выступили против британских инициатив. Так, глава бельгийского министерства иностранных дел П.-А. Спаак и его люксембургские коллеги справедливо опасались, что обсуждение плана ЗСТ затормозит переговоры по “Общему рынку”, и настаивали на приоритетном завершении всех мессинских консультаций, а уже потом, считали они, можно будет возвратиться к диалогу по британскому проекту¹³.

Самое сильное недовольство выразили главные сельскохозяйственные производители ЕЭС – Франция и Италия, которые в случае успешного завершения начатых в феврале 1957 г. в рамках комитета Модлинга¹⁴ переговоров по ЗСТ рисковали оказаться в наибольшем проигрыше¹⁵. В случае реализации проекта зоны свободной торговли промышленные рынки этих стран становились беззащитными перед наплывом качественных английских товаров, в то время как производимая ими аграрная продукция не получала никаких преференций на британском рынке и оставалась бы неконкурентоспособной по сравнению с аналогичными товарами из белых доминионов – Канады, Австралии, Новой Зеландии.

По этим соображениям французы и итальянцы в течение 1957 г. всячески затягивали продвижение консультаций по ЗСТ и настаивали на первоочередном обсуж-

¹¹ Gerbet P. Op., cit., p. 239.

¹² Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 2001, с. 286.

¹³ La Libre Belgique, 17.I.1957, p. 2, 7; Tageblatt (Luxemburg), 20.III.1957, S. 1.

¹⁴ Комитет Модлинга – назван по имени возглавлявшего его министра финансов Великобритании. В 1957–1958 гг. комитет занимался обсуждением плана создания общеевропейской зоны свободной торговли.

¹⁵ Подробнее, например, см. Macmillan H. Autobiography. V. 4. Riding the Storm 1956–1959. London, 1971, p. 276.

дении механизмов общеевропейского сельскохозяйственного регулирования. В ходе дебатов по данному вопросу Великобритания, скандинавские страны и примкнувшие к ним Нидерланды потребовали полной либерализации аграрной политики¹⁶, что не только завело в тупик переговорный процесс, но и внесло временный раскол в ряды самой эссовской “шестерки”.

Попытки Лондона сыграть на внутренних противоречиях “Общего рынка” убедили французов в неискренности англичан и их твердом намерении задушить набравшее силу интеграционное движение. В марте 1958 г. доживавшее последние дни правительство Четвертой Республики под руководством Ф. Гайара инициировало перерыв в работе комитета Модлинга.

Таким образом, к моменту прихода к власти во Франции генерала де Голля и образования Пятой Республики (июнь 1958 г.) англо-французские противоречия по вопросу интеграционного строительства уже носили достаточно острый характер. Значительная доля ответственности за обострение отношений лежала на Британии, стремившейся обеспечить политическое доминирование и решить проблемы национальной экономической безопасности за счет континентальных партнеров. В этом контексте последующие попытки Парижа максимально ограничить английское участие в “малой Европе” имели вполне рациональное объяснение.

Впрочем, в первые дни существования Пятой Республики у британцев имелась некоторая надежда на восстановление англо-французского согласия, основанием чему служила внешнеполитическая программа нового режима. Главный голлистский лозунг объявлял о возрождении великой Франции в качестве мировой державы. Однако лежавший в основе “Общего рынка” принцип наднациональности входил в очевидное противоречие с международными установками генерала, поскольку подразумевал добровольное ограничение суверенитета в пользу общесоюзных органов управления. По этой причине французский президент на протяжении всего периода своего пребывания у власти (1958 – 1969 гг.) стремился перевести интеграционное взаимодействие в плоскость межгосударственного сотрудничества, что совпадало с британским подходом к европейскому строительству.

Лондон рассчитывал, что сходство позиций двух стран в данном вопросе станет прочным фундаментом для восстановления прежнего уровня взаимного доверия и начала совместной работы над экономическим переустройством континента¹⁷. Уже в конце июня 1958 г. британский премьер-министр Г. Макмиллан нанес краткий визит в Париж, где попытался убедить генерала одобрить план общеевропейской ЗСТ. Однако де Голль посчитал, что политические выгоды окажутся несоразмерны тому экономическому ущербу, который будет нанесен Франции в случае осуществления английского проекта, и поэтому вежливо отклонил просьбу Макмиллана о возобновлении переговоров в рамках комитета Модлинга¹⁸.

Вполне вероятно, что французский лидер все же пошел бы на компромисс при условии предоставления англичанами адекватного вознаграждения, но вместо этого они в очередной раз попытались получить односторонние преференции без серьезных политических или экономических обязательств со своей стороны.

О первоначальном стремлении генерала к сотрудничеству с англичанами свидетельствует последовавший вскоре дипломатический демарш. 17 сентября 1958 г. французский лидер направил секретный меморандум президенту США Д. Эйзенхауэру и премьер-министру Г. Макмиллану с инициативой учреждения “трехстороннего директората” для решения актуальных международных проблем¹⁹. Участие в этом клубе Франции, по мнению де Голля, как нельзя лучше способствовало бы укреплению ее позиций на мировой арене и возвращению статуса великой державы. В документе не

¹⁶ Подробнее, например, см. *Maudling R. Memoirs*. London, 1978, p. 68.

¹⁷ *Macmillan H.* Op. cit., v. 4, p. 448.

¹⁸ *Голль Ш. де.* Мемуары надежд. 1958 – 1962. М., 2000, с. 172–173.

¹⁹ *De Gaulle's Memorandum on September 17, 1958.* – *Britain and European Integration: 1945–1998.* London., 2000, p. 88.

содержалось никаких упоминаний о проекте ЗСТ, но смеем предположить, что в случае одобрения Вашингтоном и Лондоном идеи директората ответная положительная реакция не заставила бы себя ждать.

Однако правительства США и Великобритании фактически проигнорировали идею директората, что вызвало бурю негодования у французского лидера и спровоцировало его на ряд резких шагов в отношении своих несостоявшихся союзников. В том же году де Голль в пику США начал процесс постепенного вывода французских вооруженных частей из-под контроля НАТО, что в конечном счете завершилось объявлением в 1966 г. о выходе Франции из военной организации Североатлантического альянса.

Взаимоотношения с Англией также подверглись серьезной ревизии, основанием для чего стали дополнительные обстоятельства, связанные с ситуацией вокруг проекта ЗСТ. Дело в том, что британский премьер после своего июньского фиаско предпринял новую попытку расколоть “Общий рынок”. Во время визита в ФРГ в начале октября 1958 г. Г. Макмиллан в конфиденциальной беседе сообщил канцлеру К. Аденауэру о голлистском проекте “директората”, представив содержание меморандума как доказательство неискренности французов по отношению к Западной Германии²⁰. Этот инцидент не внес разлада в отношения рейнских держав, зато окончательно убедил французское руководство в отсутствии у англичан желания к налаживанию честных и доверительных контактов.

14 ноября министр информации Франции Ж. Сустель публично заявил, что Париж больше не намерен обсуждать британский проект ввиду того, что “сам принцип ЗСТ неприемлем для Франции” и противоречит нормам Римских соглашений²¹. Эта позиция была единодушно поддержана остальными членами ЕЭС, после чего комитет Модлинга прекратил свою работу.

Великобритания не извлекла уроков из событий 1956–1958 гг. и, невзирая на голлистскую оппозицию, продолжила реализацию прежней стратегии. Спустя несколько недель после французского демарша англичане инициировали новый раунд переговоров по ЗСТ среди западноевропейских стран, оказавшихся за бортом “Общего рынка”. Результатом этого стало учреждение в январе 1960 г. Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), в состав которой вошли так называемой внешней “семерки” – Швеция, Норвегия, Дания, Португалия, Швейцария, Австрия и сама Великобритания.

В отличие от Римских соглашений статус ЕАСТ не предусматривал ни создания экономического или политического союза, ни появления наднациональных органов. Функции организации состояли в поэтапном снижении таможенных пошлин на промышленные товары, регулярном обмене мнениями по вопросам торговой и таможенной политики.

Лондон надеялся, что образование ЕАСТ составит достойную альтернативу ЕЭС, продемонстрирует реалистичность осуществления плана ЗСТ, позволит избежать континентальной блокады и главное – заставит Париж искать компромисс по вопросу европейской торговли. Однако эти расчеты оказались ошибочными. В силу экономической неоднородности и аморфности структуры управления ассоциация не смогла создать мощного противовеса римской “шестерке”. В торговом отношении многие государства ЕАСТ были больше связаны с ЕЭС, нежели между собой²². ВВП “Общего рынка” почти вдвое превышал суммарные показатели “внешней семерки”, а по таким параметрам, как доля в мировом промышленном производстве и объем золотовалютных резервов, “шестерка” была абсолютным лидером.

Наконец, учреждение ассоциации отнюдь не способствовало нормализации отношений с ЕЭС. Западная Германия и Нидерланды, ранее выступавшие английскими

²⁰ Horne A. Macmillan. The Official Biography, v. II. London, 1988, p. 109.

²¹ Цит. по: Kitzinger U. The Politics and Economics of European Integration. Britain, Europe and the United States. New York – London, 1963, p. 126.

²² Foreign Affairs, v. 38, № 1, p. 75.

адвокатами внутри “шестерки”, отказались от поддержки британского проекта. Первые годы существования “Общего рынка”, отмеченные небывалым экономическим ростом стран – членов блока (8–10% в год), убедили гаагский и боннский кабинеты в бессмысленности дальнейших дискуссий относительно путей европейского строительства и нерентабельности ЗСТ. Очевидно, что к концу 1950-х годов на континенте был сделан четкий выбор в пользу ускоренного варианта интеграции.

Таким образом, взятый английским кабинетом в 1956 г. курс на максимальное затягивание политического и экономического объединения Старого света оказался провальным. Вследствие ошибочности стратегии Британия не только не смогла предотвратить создание сильной континентальной группировки и реализовать собственный интеграционный проект, но и фактически спровоцировала раскол Западной Европы на два конкурирующих торговых блока. Кроме того, неоднократные попытки парализовать работу ЕЭС путем налаживания сепаратных контактов с его отдельными членами привели к возникновению острых англо-французских противоречий, усугублявшихся наличием разногласий по другим проблемам международной повестки дня.

Продолжение политики игнорирования факта существования сильного “Общего рынка” было бесперспективно. Лондону требовались иные подходы к урегулированию отношений с “шестеркой”. Дополнительными стимулами для поиска нового модус вивенди послужили существенные изменения во внутреннем и международном положении Соединенного Королевства.

Первые десятилетия после окончания Второй мировой войны отмечены периодом постепенного упадка британского могущества. Увеличение конкуренции на региональных рынках, промышленная стагнация, хронический дефицит платежного баланса, рост государственной задолженности и обесценивание национальной валюты являлись четкими симптомами плачевного состояния английской экономики²³.

В свою очередь сложное экономическое положение резко ограничивало внешнеполитические возможности Великобритании и вело к уменьшению ее участия в урегулировании актуальных мировых проблем. И если в конце 1940-х годов она еще старалась поддерживать прежний блеск своего имперского величия, то с середины 1950-х годов ее неспособность играть декларируемую ею роль державы планетарного масштаба стала очевидна.

Ярким свидетельством тому стал распад британской колониальной империи. В 1947 г. свободу обрели Индия и Пакистан, а после кейптаунской декларации Макмиллана 1960 г. об африканском “ветре перемен” самостоятельность получили большинство владений на Черном континенте. Предоставление независимости сопровождалось выводом армейских контингентов из колоний в Европу и ревизией оборонной концепции, предусматривавшей обязательное военное присутствие войск в ключевых точках земного шара.

В условиях серьезного сокращения собственного потенциала Англия столкнулась с необходимостью выработки геополитических установок, адекватных новой международной ситуации. В связи с этим в начале 1960-х годов консервативное правительство Макмиллана пересмотрело сформулированную в послевоенные годы доктрину “трех окружностей”²⁴ и взяло курс на медленный демонтаж империи и перенесение

²³ Подробнее см. *Northedge F.S. Descent from Power. British Foreign Policy 1945–1973.* Aldershot, 1985, p. 337–338.

²⁴ Доктрина “трех окружностей” была впервые изложена лидером консервативной партии У. Черчиллем в беседе с О. Фрэнксом в 1948 г. Согласно представлениям экс-премьера, английская внешняя политика включала в себя три круга традиционных интересов: первый, самый главный, охватывал атлантическое пространство, второй заключал в себе территорию Содружества, а третий (по значимости) распространялся на европейский континент. Этот список приоритетов на протяжении 15 послевоенных лет в значительной степени определял стратегию действий Форин оффис на международной арене.

центра тяжести своей дипломатии в две другие зоны традиционных британских интересов²⁵.

Краеугольным камнем стратегии Форин оффис оставались трансатлантическое партнерство и укрепление “особых” англо-американских отношений. В отличие от голлистской Франции британские политики сделали ставку на всемерное расширение взаимодействия со своим заокеанским союзником и поддержание постоянных двусторонних контактов в политической, военной и ядерной сферах. В этих “особых” отношениях Лондон видел залог своей безопасности и упрочения влияния в мире. При этом сам Макмиллан сравнивал британскую миссию в англосаксонском дуэте с той, которую играла Древняя Греция по отношению к императорскому Риму²⁶.

Вторым приоритетным направлением внешней политики стал поиск компромисса с западноевропейским интеграционным движением. Уже через несколько месяцев после создания ЕАСТ англичане пересмотрели свои взгляды на перспективы наднационального строительства и формы своего участия в нем. Не преуспев в нейтрализации исходившей от ЕЭС угрозы, Лондон принял решение проникнуть внутрь Сообщества с тем, чтобы потом переустроить его на собственный лад. С этой целью 10 августа 1961 г. британское правительство объявило о намерении присоединиться к Римским соглашениям и подало официальную заявку на членство в “Общем рынке”.

Совершая кардинальный разворот и формально соглашаясь принять столь неудобные для себя принципы наднациональности и внешнего протекционизма, Макмиллан рассчитывал, что конечные выгоды сполна компенсируют убытки, связанные с адаптацией к правовым нормам Сообщества. По убеждению премьера, имплементация нового европейского подхода должна была укрепить ведущую роль Великобритании на континенте, поднять ее авторитет в Содружестве, повысить союзническую ценность в глазах США. В совокупности все эти факторы содействовали бы восстановлению международного престижа Соединенного Королевства. Помимо этого, вступление в ЕЭС позволило бы придать мощный импульс развитию национальной промышленности, открыть новые рынки сбыта для английских товаров, повысить конкурентоспособность, инвестиционную привлекательность экономики²⁷.

Правительства “шестерки” единодушно приветствовали британские шаги навстречу “Общему рынку”, но вместе с тем указали на ряд нерешенных вопросов, препятствующих немедленному расширению Сообщества, а именно – на наличие разветвленных торговых связей Великобритании с бывшими колониями, необходимость синхронизации британских принципов аграрного регулирования с нормами ЕЭС, неопределенность будущего ЕАСТ. Обсуждение этих вопросов составило основное содержание стартовавших осенью 1961 г. брюссельских переговоров между Великобританией и “шестеркой”.

В ходе дебатов выяснилось, что, несмотря на декларативную готовность безоговорочно принять нормы Римских соглашений, англичане намеревались добиваться многочисленных исключений из правоприменительной практики Сообщества. В частности, они потребовали частичного сохранения системы имперских преференций в торговле с собственными колониями, что гарантировало им доступ к дешевым продовольственным и сырьевым ресурсам. Также Лондон настаивал на предоставлении 12–15-летней отсрочки во введении норм Общей сельскохозяйственной политики ЕЭС и заключении ассоциативных соглашений с членами Содружества и ЕАСТ²⁸.

Удовлетворение всех этих условий означало фактический демонтаж сельскохозяйственной составляющей “Общего рынка” и превращение Сообщества в один из элементов гигантской зоны свободной торговли, план создания которой в 1957–1958 гг.

²⁵ Macmillan H. Op. cit. V. 5. Pointing the Way, 1959–1961, p. 323–325.

²⁶ La politique étrangère, 1964, № 2, p. 166.

²⁷ Macmillan's Speech at the House of Commons on July 31, 1961. – Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons, ser. V, v. 645, cols. 928–931.

²⁸ Great Britain. Parliament. Command Papers, 1961, № 1565, p. 5–10.

рекламировали англичане. Единственным “отличием” от предыдущего проекта было то, что на сей раз Великобритания собиралась расширить ЗСТ далеко за пределы Европы, предоставив право беспощинного товарообмена своим бывшим владениям и сателлитам. По этому поводу де Голль в разговоре с канцлером ФРГ Аденауэром заявил: “Очевидно, что Англия хочет не в Европу, а во всемирную организацию со всеми ее ответвлениями, включая Америку”²⁹.

Экономический эгоизм Великобритании встретил решительное противодействие французской стороны. На переговорах в ноябре 1961 г. в Бирч-Гроув и в июне 1962 г. в Де Шамп генерал объяснил Макмиллану невозможность расширения ЕЭС на английских условиях. По его мнению, подобный вариант развития событий ставил под сомнение смысл существования “Общего рынка” и означал его превращение в аморфную структуру наподобие Содружества³⁰. Выполнение даже части требований наносило серьезный ущерб сельскохозяйственному производству во Франции, и именно поэтому де Голль высказался против преждевременного вступления Британии в ЕЭС.

Экономические противоречия являлись не единственным предметом разногласий. Главным препятствием на пути достижения взаимопонимания стали проблемы политического и военного сотрудничества.

В середине весны 1962 г. Англия вернулась к излюбленной тактике страдания членов “Общего рынка”, для чего решила вмешаться в инициированные де Голлем внутриеезовские переговоры о перспективах учреждения политического союза. 10 апреля она обратилась к “шестерке” с просьбой разрешить ей участвовать в подобных дискуссиях и предоставить право голоса в принятии окончательного решения. Франция отвергла безосновательные английские претензии, поскольку Соединенное Королевство не являлось членом “Общего рынка”, а значит, не имело оснований для допуска к закрытым консультациям³¹. Однако в поддержку британского обращения неожиданно выступили Бельгия и Голландия и 17 апреля заблокировали дальнейшее обсуждение проекта до тех пор, пока к консультациям не будут привлечены английские представители. Глава бельгийского министерства иностранных дел Спаак в этой связи заявил своим партнерам, что его страна “никогда не подпишет союзного договора, “даже если он подходит ей”, до тех пор, пока Англия не вступит в экономическое Сообщество”³². Таким образом, двухлетняя работа по укреплению политической составляющей ЕЭС оказалась перечеркнута.

Эта история в очередной раз убедила де Голля в нежелании Британии вести открытый диалог по вопросам западноевропейского строительства и содействовать повышению авторитета “Общего рынка”. Выбор англичанами проекта политической интеграции в качестве мишени для атаки на французские позиции заронил у генерала подозрения в выполнении американского заказа, поскольку Вашингтон был в наибольшей степени незаинтересован в образовании политически независимой и сильной Европы. Париж не мог допустить появления в Сообществе “троянского коня” США и поэтому во второй половине 1962 г. взял твердый курс на вентирование английской заявки.

15–16 декабря на саммите в Рамбуйе Макмиллан предпринял последнюю попытку добиться благосклонности генерала. Однако тот не внял британским доводам и вновь повторил длинный список французских претензий к британской кандидатуре.

Помимо традиционных требований разрыва имперских связей и безоговорочного принятия правовых норм ЕЭС де Голль обозначил еще одно важное обстоятельство, не касавшееся напрямую европейской тематики, но имевшее принципиальное значение для понимания природы англо-французского антагонизма. Речь шла о неготовности

²⁹ Аденауэр К. Воспоминания (1959 – 1963). Т. 4. Фрагменты. М., 1970, с. 124.

³⁰ Couve de Murville M. Une politique étrangère 1958 – 1969. Paris, 1971, p. 387.

³¹ Голль Ш. де. Указ. соч., с. 182.

³² Luns J. Ik herinner mij. Vrijmoedige herinneringen van Mr. J.M.A.H. Luns zoals verteld aan Michel van der Plas. Leiden, 1971, p. 146–151.

Британии отказаться от тесного атлантического партнерства с США в сфере атомных вооружений. Ядерная кооперация, открывавшая англичанам доступ к американским технологиям, являлась одним из наиболее существенных элементов “особых” отношений. Ее успешное продвижение ставило британскую оборону в полное подчинение США и тем самым определяло абсолютную политическую лояльность Альбиона своему “старшему брату”.

Де Голль опасался, что вступление Великобритании в Сообщество приведет к проникновению туда атлантического элемента. Это грозило политическим ослаблением ЕЭС и тем, что все его члены попадут в аналогичную британской зависимость от заокеанского партнера. В соответствии с этими соображениями французский лидер указал своему коллеге на необходимость геополитического выбора между Европой и атлантической солидарностью до того момента, когда рассмотрение английской заявкой вступит в свою завершающую стадию³³.

О выборе британского премьера стало известно спустя несколько дней. 21 декабря 1962 г. в Нассау Г. Макмиллан и президент Дж. Кеннеди подписали соглашение о закупке Лондоном американских ракет “Поларис” и передаче английских ядерных арсеналов под контроль НАТО при сохранении за Британией права их самостоятельного использования³⁴.

Это событие вызвало осуждение Парижа. 14 января 1963 г. на пресс-конференции в Елисейском дворце французский лидер объявил о невозможности продолжения диалога о приеме Великобритании в ЕЭС. Главным мотивом своего решения генерал назвал несовместимость политического и экономического уклада Великобритании с правилами Сообщества. “Римский договор заключен шестью континентальными государствами одной природы. Англия же – это пока скорее атлантическая держава, подтверждением чему стало соглашение в Нассау”, – настаивал де Голль³⁵. Вместо полноценного членства президент предложил британцам торговую ассоциацию.

29 января в Брюсселе состоялось специальное заседание министерского комитета “шестерки”, на котором французский представитель М. Кув де Мюрвилль подтвердил приверженность своего правительства идее бессрочной приостановки консультаций с Соединенным Королевством. Несмотря на угрозу итальянского правительства учредить антиголлистский итало-британский союз и все попытки представителей Западной Германии и Бельгии убедить французских коллег пересмотреть свое решение, Париж наложил так называемое “железное” вето на расширение Европейского экономического сообщества и прием в него Великобритании³⁶. Как писала по этому поводу итальянская газета “Коррьере делла sera”: “Франция добила своего, она победила, пусть даже ценой собственной изоляции”³⁷.

Таким образом, первую английскую заявку на вступление в “Общий рынок” постигла та же судьба, что и отвергнутый пятью годами ранее план общеевропейской ЗСТ. Объяснение очередного дипломатического поражения следует искать как в объективных, так и субъективных причинах.

С одной стороны, британцы были действительно не готовы к полноценному членству и безусловному принятию всех правовых норм Сообщества. Лондону требовался дополнительный срок для реконверсии своей экономики в европейском направлении и разрыва преференциальных связей с бывшими колониями.

С другой стороны, экономические факторы дополняли важные политические обстоятельства. Очевидно, что в начале 1960-х годов Соединенное Королевство не желало становиться подлинно европейским государством и стремилось превратить “Общий рынок” главным образом в инструмент достижения собственных общемировых и трансатлантических целей. В этом контексте международные интересы Британии

³³ *Macmillan H. Op. cit.*, v. 6. London, 1973, p. 347–353.

³⁴ *The Financial Times*, 22.XII.1962, p. 1.

³⁵ *Gaulle Ch. de Discours et messages. V.4. Pour l'effort*. Paris, 1970, p. 66–76.

³⁶ *The Financial Times*, 7.I.1963, p.1; 30.I.1963, p. 1.

³⁷ *Corriere della Sera*, 30.I.1963, p. 1.

зачастую вступали в очевидное противоречие с устремлениями ее континентальных партнеров, прежде всего Франции.

Наконец, негативную роль в процессе обсуждения английской заявки сыграла ошибочная переговорная тактика Лондона, заключавшаяся в изолировании французов путем заключения сепаратных соглашений с остальными участниками “Общего рынка”. В апреле 1962 г. это привело к голландско-бельгийскому вето на консультации о политическом союзе в рамках ЕЭС, а в январе 1963 г., накануне пресс-конференции де Голля, способствовало появлению слухов о создании англо-итальянского альянса в качестве противовеса франко-западногерманскому согласию³⁸. Попытки Англии стать неформальным лидером Сообщества, даже не будучи его членом, спровоцировали решительные действия Парижа, мотивы которых позже объяснил сам генерал в беседе с британским министром К. Соамсом: «Сейчас в “шестерке” пять кур и один петух. Если англичане (вместе с другими странами) присоединятся, то тогда, возможно, будет шесть или семь кур, но появятся и два петуха. А такое неприемлемо»³⁹.

Французское вето означало полный крах европейской стратегии консервативного кабинета Макмиллана. В 1964 г. к власти в Великобритании пришло новое лейбористское правительство во главе с Г. Вильсоном, поставившее своей задачей возвращение к прежнему курсу на укрепление Содружества и ЕАСТ, развитие “особых” отношений с Вашингтоном⁴⁰. В 1964 – 1966 гг. Англия поддержала ускоренную ликвидацию оставшихся ограничений на торговлю промышленными товарами в рамках ЕАСТ, заключила ряд соглашений с “семеркой” и бывшими доминионами об аграрных преференциях, инициировала дискуссию о перспективах создания Североатлантической зоны свободной торговли (НАФТА)⁴¹.

Однако все эти действия, направленные, по замыслу лейбористов, на восстановление утраченных мировых позиций и обеспечение источников устойчивого экономического роста, не достигли своей цели. Система имперских преференций окончательно деградировала, британское присутствие на рынках ЕАСТ сокращалось, а “особые” англо-американские контакты с каждым годом все меньше напоминали отношения равных партнеров.

В этой связи в начале 1966 г. британские политики вновь обратились к идее членства в “Общем рынке”. Как и консерваторы в 1961 – 1963 гг., лейбористы собирались вступить в Сообщество на собственных условиях, которые предполагали поддержание низких цен на продовольствие в Соединенном Королевстве, дотирование английского аграрного сектора, сохранение режима особого благоприятствования в торговле с бывшими колониями и членами ЕАСТ, установление длительного переходного периода для адаптации национальной экономики к нормам ЕЭС⁴². Взамен англичане были готовы к развитию технологической кооперации, что, по мнению Г. Вильсона, должно было помочь преодолеть возможное сопротивление Франции⁴³.

Помня о негативном опыте взаимодействия с “шестеркой” в рамках двухлетнего брюссельского процесса, лейбористы отказались от дальнейшего стравливания членов ЕЭС и прибегли к новой переговорной тактике. Лондон решил урегулировать потенциальные разногласия с партнерами до начала непосредственных консультаций в ходе неформальных встреч с лидерами “Общего рынка”. Эти так называемые “переговоры о переговорах” должны были помочь избежать срыва обсуждения английской кандидатуры и завершить подготовку к вступлению в течение полугода.

Руководство Западной Германии, Италии и Бенилюкса приветствовало миролюбивый и конструктивный настрой правительства Соединенного Королевства и выра-

³⁸ The Financial Times, 7.I.1963, p. 1.

³⁹ Цит. по: Wilson H. Prime Minister on Prime Minister. New York, 1977, p. 324.

⁴⁰ British General Election Manifestos 1900–1974. London, 1975, p. 267.

⁴¹ См. подробнее: Einzig P. The Case against Joining the Common Market. London, 1971.

⁴² Report of the 61 Annual Conference of the Labour Party. London, 1963, p. 164–167.

⁴³ Wilson H. The Labour Government, 1964–1970. Personal Record. London, 1971, p. 299.

зило убеждение в достижимости компромисса по всем пунктам списка лейбористских условий⁴⁴.

Франция в свою очередь повторила прежние претензии по поводу атлантического характера внешней политики Великобритании и несовместимости ее экономики с принципами “Общего рынка”, сопроводив их новыми принципиальными оговорками. На лондонских переговорах в июле 1966 г. премьер-министр Ж. Помпиду заявил о невозможности обсуждения вопроса о расширении ЕЭС до тех пор, пока Англия не отрегулирует курс своей национальной валюты и не предпримет меры по сокращению необеспеченных стерлинговых авуаров. В противном случае, объяснял Помпиду, преждевременный допуск Соединенного Королевства приведет к дестабилизации финансовой системы всего Сообщества, поскольку в соответствии со статьей 104-й Римского договора потребует от членов ЕЭС оказания немедленной помощи Великобритании при возникновении трудностей в обслуживании внешних кредитных обязательств⁴⁵. Характерно, что остальные члены “шестерки” в ходе предварительных консультаций в декабре 1966 – январе 1967 гг. разделили озабоченность Парижа по поводу опасности развития негативного сценария в британских финансах, однако не посчитали это достаточным основанием для прекращения диалога⁴⁶.

В расчете на дальнейшую поддержку “пятерки” Г. Вильсон 3 мая 1967 г. обратился к ЕЭС с просьбой рассмотреть вторую британскую заявку.

Дав старт официальному обсуждению британской кандидатуры, глава кабинета был в полной уверенности, что французские опасения относительно стабильности фунта и национальной экономики в целом беспочвенны. 18 июня он совершил визит в Версаль, где попытался убедить президента Франции снять свои возражения по поводу расширения “Общего рынка”. Вильсон утверждал, что со времени прихода лейбористов к власти экономическое и финансовое положение Великобритании непрерывно улучшалось, а в 1966 г. кабинету даже удалось получить положительное сальдо платежного баланса. Это позволяло, по заверениям премьера, “вступать в ЕЭС с высоко поднятой головой”. Однако английские доводы не убедили де Голля. Он поставил под сомнение как долгосрочный характер финансовой стабильности, так и твердость британских намерений отказаться от имперских установок и принять “Общий рынок” в существующем виде. Французский лидер не видел Англии места в ЕЭС и опять, как и в 1963 г., предложил Вильсону ассоциативное членство⁴⁷.

Последующие события подтвердили точность голлистских прогнозов. Начало осени совпало с продолжительной забастовкой английских докеров и прекращением нефтяных поставок с Ближнего Востока, что спровоцировало резкие спекулятивные атаки на фунт. 18 ноября банк Великобритании был вынужден объявить о 14-процентной девальвации национальной валюты, что дало французам повод для второго “бархатного” вето.

27 ноября на очередной пресс-конференции де Голль объявил о невозможности продолжения переговоров, поскольку “ЕЭС несовместимо с тем производством, с теми источниками снабжения, системой кредита, условиями труда, субсидиями, которые Великобритания не может изменить, не изменив саму свою природу”. Генерал обвинил англичан в двуличии и нежелании безоговорочно принять все нормы основополагающего Римского договора. «Зачем англичане хотят вести переговоры по тем условиям, которые они формально уже согласились одобрить? Их принятие в “Общий рынок” приведет к разрушению европейского дома, на строительство которого было потрачено столько сил и энергии. Поэтому Франция не может позволить Британии начать переговоры о вступлении», – резюмировал свои доводы де Голль⁴⁸.

⁴⁴ *Le Monde diplomatique*, janvier 1967, № 154, p. 3.

⁴⁵ *Couve de Murville M.* Op. cit., p. 416–417.

⁴⁶ *Brown G.* In *My Way. The Political Memoirs*. New York, 1971, p. 205–219.

⁴⁷ *Wilson H.* *The Labour Government, 1964–1970*, p. 405–411.

⁴⁸ *Gaulle Ch. de.* Op. cit. V. 5. Vers le terme, p. 241–242.

Парадоксально, но к “разрушению европейского дома” чуть не привело само “бархатное” вето. Второй за пять лет отказ Парижа, наряду с постоянными французскими попытками навязать собственное видение европейского будущего, вызвал крайне негативную реакцию со стороны остальных членов “Общего рынка”. 19 января 1968 г. правительства Бельгии, Нидерландов и Люксембурга выступили с инициативой организации регулярных англо-еэсовских консультаций по широкому спектру вопросов двустороннего сотрудничества (экономика, наука, военно-техническое взаимодействие, внешняя политика)⁴⁹. Предложения Бенилюкса были поддержаны Италией и отчасти Западной Германией, что поставило “Общий рынок” на грань раскола. Париж отказался обсуждать саму идею данного проекта, имевшего, по словам премьер-министра Кув де Мюрвиля, единственную цель “автоматического приема новых членов” и предоставления Лондону возможности влиять на политическое и экономическое развитие Сообщества извне⁵⁰.

В ответ глава бельгийского министерства иностранных дел П. Армель 3 октября 1968 г. обнародовал еще более радикальный план, предусматривавший создание дискуссионной площадки по вопросам внешней политики, обороны, науки и валютного регулирования в рамках Западноевропейского союза (ЗЕС), где все члены “шестерки” и Великобритания имели одинаковые права и статус. Реализация этой инициативы выводила значительную часть интеграционного процесса за пределы ЕЭС и тем самым лишала Францию права решающего голоса по вопросу о британском участии в западноевропейском строительстве. 14 февраля 1969 г. при поддержке английского кабинета состоялась лондонское совещание ЗЕС по обсуждению плана Армея, на которое не пригласили французского представителя. Подобное недружественное поведение Париж назвал актом дипломатического терроризма и в знак протеста против нарушения устава ЗЕС объявил бойкот дальнейшей работе организации⁵¹.

Финальным аккордом англо-французского противостояния стало так называемое “дело Соумса”, вызванное публикацией в британской прессе скандальных подробностей неофициальной беседы де Голля с английским послом К. Соумсом 4 февраля. По распространенной информации, генерал за спиной у своих европейских партнеров якобы озвучил давнюю идею мирового директората и роспуска НАТО, а также предложил англичанам вместе возглавить обновленную Европу. Париж расценил данную утечку как очередную провокацию, направленную на подрыв французских позиций в Европе, в связи с чем направил британскому правительству дипломатический протест с указанием на недопустимость продолжения прежней линии поведения⁵².

Таким образом, к весне 1969 г. и взаимоотношения стран – членов “Общего рынка”, и англо-французские контакты достигли низшей точки, причиной чего стали диаметрально расходящиеся подходы к урегулированию проблемы британского участия в европейском строительстве. С одной стороны, Франция продолжала отвергать возможность предоставления Англии полноценного членства в ЕЭС и права определять направление развития интеграционного сотрудничества. С другой стороны, остальные члены римской “шестерки” отказывались от расширения европейского сотрудничества без привлечения Великобритании. Наконец, само Соединенное Королевство, не имея возможности преодолеть французское вето, предпринимало прямые шаги по дезорганизации “Общего рынка” и изоляции Парижа.

Дальнейшее углубление западноевропейских противоречий угрожало распадом Сообщества и дестабилизацией региональной обстановки. К лету 1969 г. все заинтересованные стороны в равной степени осознали бесперспективность продолжения конфронтации, что заложило необходимые предпосылки для вывода ситуации из ту-

⁴⁹ Benelux Memorandum on the Situation in the Community, 19th January 1968. – British Application for Membership of the European Communities. 1963–1968, p. 86–87.

⁵⁰ Le Monde, 15.V.1968, p. 1.

⁵¹ Politique étrangère, 1969, № 1, p. 45.

⁵² Propositions du Ministre belge des Affaires étrangères M. Pierre Harmel sur l'Union de l'Europe occidentale. – Notes et études documentaires, Paris, 1972, № 3882–3883, v. 1, p. 76.

пика. Восстановлению международного консенсуса и возобновлению полноценных переговоров о приеме Англии в “Общий рынок” способствовали три фактора.

Первым из них стало смягчение англо-французских разногласий. К концу 1960-х годов расхождения Парижа и Лондона по вопросам стратегической стабильности и атлантического партнерства несколько сгладились. Вследствие американской ревизии “особых” отношений интенсивность политических и военно-технических контактов между Лондоном и Вашингтоном была несколько снижена. Более того, Белый дом больше не считал необходимым постоянно консультироваться с Великобританией в вопросах региональной безопасности, что к вящему удовольствию Франции вело к снижению роли Англии как равноправного партнера США.

Наряду с этим продолжался процесс экономической и политической дезинтеграции Содружества. Преференциальные связи с доминионами окончательно деградировали, в результате в 1970 г. британский экспорт лишь в шесть стран “Общего рынка” впервые обогнал объем вывоза товаров во все бывшие колонии⁵³. Решение лейбористов 1968 г. закрыть все военные базы к востоку от Суэца и перевести армейские контингенты в Европу содействовало сокращению участия Британии в урегулировании азиатских и африканских проблем и ее превращению в истинно европейскую державу, чего на протяжении 1960-х годов упрямо добивался де Голль.

Вторым важным обстоятельством послужило изменение баланса сил внутри ЕЭС. Вследствие неуклонного роста экономического и политического потенциала ФРГ Франция уже не могла претендовать на единоличное определение повестки дня Сообщества и была вынуждена искать поддержку в создании эффективного противовеса западногерманскому диктату. О французском нежелании допустить потенциальной гегемонии ФРГ свидетельствует, в том числе, скандал вокруг “дела Соумса”. Сходными мотивами в поддержке европейского курса Великобритании руководствовались и прочие члены ЕЭС, опасавшиеся в свою очередь засилья парижско-боннского дуумвирата.

Наконец, третьим мощным стимулом к достижению европейского компромисса стало изменение внутривнутриполитической ситуации во Франции. 28 апреля 1969 г. де Голль покинул пост президента, и спустя несколько недель главой государства был избран его ближайший соратник Жорж Помпиду. Уже 10 июля новый лидер заявил о снятии Францией принципиальных возражений против расширения Сообщества и готовности вернуться к обсуждению британской заявки после урегулирования в рамках “шестерки” отдельных вопросов Общей сельскохозяйственной политики (ОСП)⁵⁴.

Таким образом, к середине 1969 г. путь к восстановлению широкого англо-еэсовского диалога был расчищен.

Французские партнеры, прежде всего проанглийски настроенные Италия и Бенилюкс, позитивно восприняли произошедшие перемены. В течение второй половины 1969 г. участники “Общего рынка”, как того и требовал Париж, ускоренными темпами завершили разработку правил финансирования ОСП, что дало им формальные основания требовать первоочередного рассмотрения британской проблемы⁵⁵. Англия со своей стороны активизировала усилия по наведению мостов с французским руководством и прекратила линию на развитие альтернативных контактов в рамках ЗЕС. Удовлетворенный этими уступками Помпиду на гаагском совещании лидеров ЕЭС

⁵³ В 1970 г. доля ЕЭС в товарообороте Британии достигла 22%, в то время как доля Содружества упала до 21%. Десятилетием ранее аналогичные показатели равнялись 14 и 40% соответственно. См. *Livre blanc britannique sur l'adhésion de la Grande Bretagne aux Communautés Européennes*. – Notes et études documentaires, v. 2, № 3984–3986, p. 88.

⁵⁴ Conférence de presse par M. George Pompidou, Paris, le 10 juillet 1969. – Notes et études documentaires, v. 2, p. 83.

⁵⁵ The European Navigator [online]. Memorandum from the Italian Embassy to the Luxemburg Ministry of Foreign Affairs (14 October 1969) [15.10.2009] <http://www.ena.lu/memorandum_italian_embassy_luxemburg_ministry_foreign_affairs_14_october_1969-2-13986>

1–2 декабря 1969 г. согласился на возобновление переговорного процесса⁵⁶.

Многосторонние консультации с участием представителей Соединенного Королевства, “шестерки” и еще трех стран-кандидатов (Ирландии, Дании и Норвегии) стартовали 30 июля 1970 г. и уже спустя полтора года завершились подписанием договора о расширении “Общего рынка”.

Стремительному развитию событий в значительной степени способствовала переговорная тактика английских консерваторов, вернувшихся к власти в июле 1970 г. Новый премьер-министр Великобритании, убежденный европеист Э. Хит в отличие от своих предшественников понимал, что вступление в ЕЭС невозможно без санкции всех шести членов Сообщества, и поэтому сделал ставку на установление доверительных контактов с французским руководством и достижение всеобъемлющего урегулирования по всему спектру англо-французского сотрудничества. Решающий прорыв в двусторонних отношениях был достигнут во время парижской встречи Хита с президентом Помпиду 20–21 мая 1971 г., в ходе которой лидеры согласовали основные параметры английского членства в “Общем рынке”. Принятые в ходе саммита Хит – Помпиду решения легли в основу окончательного соглашения, что позволило британскому премьер-министру на заседании палаты общин в июле 1971 г. заявить о большом успехе собственной дипломатии⁵⁷.

Однако многие политологи и историки не разделяют оптимизма Хита и продолжают задаваться вопросом: а был ли успех? Как показывает анализ Брюссельского договора 1972 г.⁵⁸, ценой вступления в ЕЭС стало принятие Лондоном большинства французских условий, обозначенных де Голлем еще в начале 1960-х годов.

Согласно документу, Соединенное Королевство обязалось безусловно одобрить основополагающий Римский договор 1957 г. и все последующие соглашения, регулирующие деятельность “Общего рынка”, принять ключевые принципы таможенной и финансовой политики Сообщества. В этой связи Великобритания соглашалась осуществить необходимые шаги по сокращению масштабных стерлинговых авуаров и либерализации движения капиталов, что на практике вело к сокращению роли фунта в качестве мировой валюты.

В соответствии с пожеланиями Парижа был решен вопрос об адаптации английской экономики к нормам ОСП. В течение четырехлетнего переходного периода Соединенное Королевство полностью отказалось от дотирования собственного аграрного сектора и поддержания низких цен на сельскохозяйственную продукцию. Сохранение практики масштабных закупок дешевого продовольствия на рынках Содружества означало значительное увеличение размера британского взноса в фонды ЕЭС. В 1973 г. этот взнос составил 8,64%, а к концу переходного периода, т.е. к 1977 г., увеличился до 18,92%⁵⁹. В течение же так называемого постпереходного периода (1977 – 1979 гг.) предусматривалось повышение максимального лимита британских денежных выплат до 24,72%, т.е. до одной четверти всего бюджета Сообщества.

Наконец, Лондон упразднял все преференции в торговле с бывшими колониями. Временные исключения были сделаны лишь в отношении поставок сахара из карибских стран и молочных продуктов из Новой Зеландии, поскольку их аграрный сектор был целиком ориентирован на экспорт в метрополию. Экономическая составляющая Британской империи подлежала окончательной ликвидации.

Данные условия вступления вряд ли можно считать крупным дипломатическим успехом Великобритании. Положения Брюссельского договора в гораздо большей степени свидетельствовали о стратегической победе Франции, добившейся выполнения большинства голлистских требований без самого де Голля. Несмотря на уход генера-

⁵⁶ Corriere della Sera, 4.XII.1969, p. 1.

⁵⁷ Hansard. Parliamentary Debates. House of Commons, ser. V, v. 821, cols. 1452–1592.

⁵⁸ Extraits du Traité de Bruxelles, 22 janvier 1972. – Notes et études documentaires, v. 2, № 3984–3986, p. 92–98.

⁵⁹ Для сравнения: первоначально англичане просили установить 3-процентный лимит в 1973 г. и 15-процентный максимум к 1977 г.

ла с поста главы государства в 1969 г., французские политики продолжили следовать прежней концепции интеграционного строительства, предусматривавшей построение самодостаточного “Общего рынка” и отсеечение любых чуждых ему элементов – будь то атлантического или имперско-британского – и значительно преуспели в ее имплементации. В то же время Великобритания была вынуждена взять на себя тяжелые обязательства по трансформации собственной политики и экономики в европейском ключе.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с доводами тех историков (прежде всего англосаксонских), которые рассматривают личностный фактор де Голля в качестве единственного, главного препятствия на пути вступления Англии в “Общий рынок”. “Европейское” противостояние между Лондоном и Парижем возникло до прихода к власти де Голля и объяснялось объективными причинами, а именно – английскими попытками заморозить процесс западноевропейского строительства. Де Голль лишь продолжил начатую его предшественниками линию на защиту французских позиций внутри “малой Европы” и недопущение ее дезинтеграции. Сформулированные им предварительные условия британского членства в ЕЭС в полной мере отвечали французским национальным интересам и поэтому также сохранили свою актуальность при новом руководстве Франции.

Генерал оказался прав в оценке готовности британской экономики к членству в “Общем рынке”. Соединенному Королевству потребовалось свыше десяти лет переговорного процесса и пяти лет переходного режима для полной адаптации к нормам Общей сельскохозяйственной политики, отказа от преференциальной торговли с Содружеством и принятия еэсовских принципов валютного регулирования.

Не ошибся де Голль и в своих подозрениях относительно английских планов будущего политического переустройства Сообщества. Еще во время консультаций в 1961–1963 гг. Британия обнаружила желание сыграть на внутриеезовских противоречиях и изолировать Францию с тем, чтобы самой возглавить объединенную Европу. Несмотря на очевидный провал этой стратегии после “железного вето”, английские политики на протяжении 1960-х годов продолжали провоцировать разлад внутри Сообщества, вызывая тем самым раздражение Парижа.

После вступления в Сообщество в 1973 г. Соединенное Королевство не изменило своим принципам. Уже в 1974–1975 гг. выигравшие очередные выборы лейбористы инициировали пересмотр условий членства и объявили о проведении общенационального референдума по данному вопросу⁶⁰. В 1980-е годы правительство М. Тэтчер вновь потребовало ревизии Брюссельского договора, выторговав себе так называемый “британский чек” – значительную скидку в уплате взносов в общесоюзные фонды ЕЭС.

Таким образом, в долгосрочной перспективе британское членство в ЕЭС оказалось сопряжено с определенными политическими издержками, о которых справедливо предупреждал де Голль.

И все же общий положительный эффект от первого расширения “Общего рынка” трудно переоценить. Превращение “шестерки” в “девятку” значительно укрепило экономический потенциал Сообщества, дало мощный импульс налаживанию конструктивного политического диалога на континенте.

⁶⁰ Референдум состоялся 5 июня 1975 г. и принес победу сторонникам интеграции. Из 25,8 млн. проголосовавших избирателей 17,3 млн. высказались в поддержку британского участия в “Общем рынке”.